

Н.И. Барсов

Спорные вопросы из первоначальной
истории беспоповщины

Опубликовано:

Христианское чтение. 1876. № 11-12. С. 693-711.

Спорные вопросы изъ первоначальной исторіи безпоповщины

(Отвѣтъ на статью ¹⁾ г. профессора И. Ѳ. Нильскаго).

Въ своей замѣткѣ „объ изданіи въ свѣтъ раскольничьихъ рукописей“, помѣщенной въ № 20 „Церковнаго Вѣстника“ за настоящій годъ, я позволилъ себѣ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины, затронутыхъ И. Ѳ. Нильскимъ (въ его изданіи: „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ“) и рѣшенныхъ имъ иначе, нежели какъ слѣдовало бы ихъ рѣшить по моему крайнему разумѣнію. Въ письмѣ въ редакцію, напечатанномъ въ „Церковномъ же Вѣстникѣ“, нагъ почтенный расколовѣдъ не соглашается съ высказанными мною замѣчаніями и считаетъ себя обязаннымъ „признаться откровенно, что не ожидалъ отъ автора изслѣдованія о Денисовыхъ тѣхъ странныхъ рѣчей“, какія содержатся въ помянутой моей замѣткѣ.

Я, въ свою очередь, не понимаю, что можетъ быть страннаго въ томъ, что „уважаемый сослуживецъ“ Ивана Ѳедоровича, нѣкогда спеціально занимавшійся изученіемъ того вопроса (первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ), котораго онъ коснулся въ своей книгѣ лишь отчасти, позволилъ себѣ имѣть объ этомъ предметѣ свои понятія, несогласныя съ его воззрѣніями. Разногласія въ области научныхъ изслѣдованій между людьми даже самыми близкими (напримѣръ между членами одной корпораціи, солидарными другъ съ другомъ въ служеніи одной общей научной цѣли) явленіе до того естественное и часто повторяющееся, что, по моему мнѣнію, никоимъ

---

¹⁾ Церк. В. № 39.

образомъ не можетъ приводить кого бы то ни было въ изумленіе; тѣмъ болѣе это нужно сказать относительно разногласій въ такой малоисслѣдованной области научныхъ знаній, какъ бытовая исторія раскола за первое время его существованія.

Считая своею обязанностію, согласно желанію моего уважаемаго сослуживца, отвѣчать на его статью, я займусь, единственно въ интересахъ научной истины, тѣми вопросами, въ рѣшеніи которыхъ я расхожусь съ нашимъ почтеннымъ расколовѣдомъ.

I.

Первый изъ такихъ вопросовъ — вопросъ о томъ, насколько цѣломудренна и нравственна была жизнь обитателей выговскихъ пустынь и лѣсовъ, отъ перваго появленія здѣсь раскола, до настоящаго въ выговскомъ монастырѣ Ивана Филипова, включительно. Г. Нильскій утверждаетъ, что выговцы „постоянно хранили *по возможности* цѣломудріе“. Я думаю и утверждаю, что они постоянно *по возможности* вели жизнь распутную и блудную. На чьей сторонѣ правда? Прежде чѣмъ приступить къ изложенію аргументовъ *pro* и *contra*, мнѣ кажется, необходимо установить точный смыслъ слова „*по возможности*“, на которое съ особенною силою налегаетъ г. Нильскій, которое употребляю также и я. Выговцы были, по словамъ г. Нильскаго, монахи, сознательно и добровольно дававшіе обѣтъ не только безбрачія, но и абсолютнаго цѣломудрія; для нихъ существовалъ законъ въ видѣ монастырскаго устава. А гдѣ существуетъ законъ, и притомъ законъ не внѣшнимъ образомъ навязанный, а органически выработанный самою общиною и добровольно принятый ея членами, какъ думаетъ г. Нильскій о монашествѣ выговцевъ, тамъ, мнѣ кажется, не должно быть и рѣчи о возможности или невозможности выполненія закона, какъ одномъ изъ условій, опредѣляющихъ мѣру нравственнаго достоинства исполнителей закона.

Иначе можетъ быть оправдано всякое нарушеніе закона и — нѣтъ болѣе преступленій и проступковъ. По общему ученію о правоспособности, которое народная мудрость прекрасно резюмировала

въ извѣстной пословицѣ: „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ“) — всякій законъ, какъ положительный, такъ и нравственный, условнаго значенія имѣть не можетъ, и если мы допустимъ, что выговцы имѣли право соблюдать свои староотеческіе аскетическіе законы лишь по мѣрѣ какой-то возможности, то мы должны будемъ допустить для нихъ юридическое или по меньшей мѣрѣ нравственное право полного несоблюденія ими этихъ законовъ въ томъ, на примѣръ, случаѣ, когда мы признаемъ, что во времена Денисовыхъ насельники Даниловской обители представляли изъ себя не что иное, какъ массу здороваго, сытаго и празднаго люда, чуждаго не только благовоспитанности и образованія, но и какихъ бы то ни было высшихъ духовныхъ стремленій, способныхъ парализовать порывы грубой чувственности, неизбѣжно присущіе такому люду. — Когда существуетъ норма, обязательное правило, то условнымъ и случайнымъ, иначе — возможнымъ можетъ быть не осуществленіе этой нормы, а ея нарушеніе, и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть вопросъ о возможности разврата у выговцевъ, а не о возможности для нихъ цѣломудрія. Существовалъ ли у выговцевъ въ разсматриваемый г. Нильскимъ на стр. 25—31 его сочиненія періодъ времени догматъ о безусловной обязательности дѣвства для этихъ пустынно-жителей или для всѣхъ вообще безпоповцевъ, это другой вопросъ, которымъ мы займемся ниже; теперь пока у насъ рѣчь о фактѣ, о дѣйствительности; г. Нильскій утверждаетъ, что выговцы не на словахъ только, а на дѣлѣ хранили цѣломудріе; а я думаю и утверждаю, что масса выговскаго населенія жила всегда такъ, какъ обыкновенно живутъ люди, никогда не дававшіе обѣтовъ цѣломудрія — *житейскимъ житіемъ живяху*, какъ выражается въ нѣсколько иномъ смыслѣ, въ законѣ я понимаю эту фразу — выговскій исторіографъ. Различіе жизни выговцевъ отъ обыкновеннаго „житейскаго житія“ могло состоять развѣ лишь въ томъ, что въ обыкновенной мірской жизни отношенія двухъ половъ регулируются брачнымъ институтомъ того или другаго вида, а въ выговскиххъ лѣсахъ, по отсутствію у раскольниковъ брачнаго института и по другимъ условіямъ, описаннымъ г. Нильскимъ въ первой главѣ его сочиненія, отношенія двухъ половъ выражались неизбѣжно въ

формѣ безпорядочныхъ и случайныхъ встрѣчъ и сопряженій, и въ самомъ лучшемъ случаѣ въ формѣ постоянного, но съ точки зрѣнія православно-церковной, тѣмъ не менѣе блуднаго сожителства двухъ субъектовъ различнаго пола. Одни изъ раскольниковъ видѣли въ этомъ грѣхъ и, постоянно согрѣшая, постоянно калялись, полагая извѣстное число поклоновъ, другіе и каются не считали нужнымъ. До полного тождества съ позднѣйшей Недосѣвщиной время Скачкова и Ковылина не доставало выговцамъ лишь того, чтобы постоянно содѣваемый ими блудъ, вмѣстѣ того, чтобы считаться грѣхомъ, былъ возведенъ въ принципъ, въ теорію и регламентированъ въ видѣ извѣстныхъ положеній: „не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься“; „хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужь не ходи“; „не женатый — не женись, а женатый — разженись“; а до тождества съ хлыстовщиной всѣхъ временъ — того, чтобы оргія разврата была возведена въ религиозный культъ подъ именемъ любви Христовой. Въ выговскомъ „монастырѣ“ наказывался епитеміями развратъ открытый; но развратъ скрытый терпѣлся, оставался безнаказаннымъ по ихъ оригинальной теоріи: „тайно содѣянное, тайно и судится“, равняющей изрѣченію: „не пойманный воръ — не воръ“. Можно, съ извѣстной точки зрѣнія, извинять распутство выговцевъ разными облегчающими ихъ вину обстоятельствами, можно даже оправдывать ихъ, доказывая что въ самомъ лучшемъ случаѣ здоровому, сытому и праздному люду, лишенному образованія и соединенной съ нимъ духовности стремленій, ничего не оставалось больше дѣлать, при отсутствіи у нихъ брачнаго института, какъ грѣшнить и каяться, каяться и грѣшнить; но отвергать самый фактъ всеобщаго распутства насельниковъ выговскихъ лѣсовъ и пустынь мы считаемъ, вопреки г. Нильскому, рѣшительно невозможнымъ, въ виду многочисленныхъ и неопровержимыхъ данныхъ, несомнѣнно о немъ свидѣтельствующихъ. Къ этимъ даннымъ мы теперь и переходимъ.

II.

Источники, изъ которыхъ извлекаются свѣдѣнія по настоящему предмету, двоякаго рода: одни православнаго происхожденія, дру-

гіе—раскольничьи. Рядъ первыхъ открывается донесеніями олонецкихъ властей о выговцахъ—изъ этихъ донесеній особенно важны: пудожское дѣло (Акт. ист. т. V, № 223) и судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря (А. ист. V, № 151, также Олон. губерн. вѣдом. 1849 г. №№ 1—14); затѣмъ слѣдуютъ сочиненія православныхъ историковъ и обличителей раскола, — митрополита тобольскаго Игнатія—посланія (въ Правосл. Собесѣдн.), „Розыскъ“ св. Дмитрія Ростовскаго, „дополненіе“ Арсенія Маціевича къ Теофилактovu „обличенію неправды раскольническаї“, книга протоіерея Андрея Іоаннова; донесенія въ св. Синодъ миссіонера Неофита и основанные на немъ указы Св. Синода (отъ 7 іюля 1725 г. и отъ 2 августа 1727 г. въ Собран. постановл. по части раскола по вѣдомству Св. Синода изд. 1860 г. кн. 1-я стр. 141 и 196); наконецъ—донесенія о выговцахъ лицъ, жившихъ нѣкогда въ ихъ монастырѣ и затѣмъ обратившихся въ православіе—Халтурина, Круглаго, Григорія Яковлева. Къ раскольничьимъ источникамъ свѣдѣній по настоящему вопросу принадлежатъ: „Исторія Выговской пустыни“ Ивана Филипова, нѣкоторыя сочиненія Денисовыхъ и другихъ лицъ ихъ школы.

Свидѣтельства всѣхъ этихъ источниковъ о крайне развратной жизни выговцевъ такъ рѣшительны, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда считались настолько компетентными и авторитетными, что не говоря уже о преосвященномъ авторѣ „исторіи русскаго раскола“, и самъ Щаповъ, извѣстный идеализаторъ раскола, такъ много сдѣлавшій для научно-историческаго изученія его, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ слѣдствіе непомѣрно-уважительнаго отношенія къ нему, пустившій въ оборотъ и нѣсколько сужденій о немъ крайне-парадоксальныхъ, — самъ Щаповъ не нашелся сказать что-либо въ опроверженіе этихъ свидѣтельствъ, и только сдѣлалъ попытку оправдать развратъ выговцевъ общимъ состояніемъ нравственности въ нашемъ простонародѣ въ эпоху появленія раскола (Рус. раск. стар. стр. 177—184).

И. Ѡ. Нильскій, руководясь прекрасными, бесспорно, побужденіями научнаго безпристрастія, въ своемъ описаніи жизни выговцевъ (Сем. жизнь, стр. 25—31 и слѣд.), первый рѣшительно отвергаетъ вышеупомянутый взглядъ на жизнь выговцевъ, столь твердо уста-

новившійся въ нашей противораскольничьей литературѣ, даетъ совершенно иную постановку вопросу о жизни выговцевъ, нежели какую этотъ вопросъ имѣлъ въ предшествовавшихъ его труду сочиненіяхъ о выговской пустыни, и дѣлаетъ совершенно иное освѣщеніе общезвѣстнымъ фактамъ ихъ жизни. Остановливаясь на вышеупомянутомъ изъясненіи Щаповымъ разврата выговцевъ и совершенно справедливо признавая это объясненіе рѣшительно ошибочнымъ, онъ затѣмъ отрицаетъ самое существованіе распутства между обитателями выговскихъ лѣсовъ, пишетъ настоящую апологію ихъ. Онъ старается доказать, что какъ на первой порѣ появленія безпоповщины въ выговскихъ лѣсахъ, т. е. въ послѣдніе годы XVII столѣтія и первые XVIII-го, когда въ слѣдствіе гоненій на расколь раскольники скрывались въ лѣсахъ и пустыняхъ, они „проводили жизнь строго дѣвственную“ („Ц. В.“ № 39, стр. 5) такъ и послѣ того, какъ гоненія прекратились и Денисовы основали свой монастырь, они „не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ хранили по возможности цѣломудріе“ (Сем. жизнь, стр. 25 и 31); цѣломудріе это соблюдалось не только въ монастыряхъ, гдѣ даже во время молитвенныхъ собраній женщины были отдѣляемы отъ мужчинъ сначала завѣсою, а потомъ стѣною,—что по мнѣнію г. Нильскаго должно было самымъ рѣшительнымъ образомъ гарантировать цѣломудріе выговскихъ монаховъ и монахинь,—но также и въ скитахъ, гдѣ прежніе мужъ и жена жили какъ братъ съ сестрою, по мнѣнію г. Нильскаго, отнюдь не нарушая цѣломудрія (стр. 180). Первое обнаруженіе разврата между выговцами г. Нильскій замѣчаетъ не раньше, какъ въ послѣдніе годы управленія монастыремъ Семена Денисова, когда этотъ киновіархъ написалъ „слово о нравственности, направленное на всѣ роды не нравственности его киновіи“ и къ началу настоятельства Ивана Филипова, когда этотъ послѣдній отказывался разсказать (Сем. жизнь стр. 182) о развратѣ его киновіи—„срама ради“.

Чѣмъ же подтверждаетъ намъ изслѣдователь свой оригинальный взглядъ на жизнь выговцевъ? Всѣ свидѣтельства о жизни выговцевъ, содержащіяся въ исчисленныхъ выше православныхъ источникахъ, какъ противныя его взгляду, онъ или игнорируетъ, или

признаетъ недостоверными. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній относительно степени нравственности выговцевъ служить для него „Исторія выговской пустыни“, которою онъ пользуется лишь настолько, насколько ея свидѣтельства отвѣчаютъ его взгляду, избѣгая тѣхъ показаній Ивана Филипова, которыя выставляютъ жизнь выговцевъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Разсмотримъ какъ тѣ свидѣтельства, которыя нашъ ученый игнорируетъ, такъ и тѣ, которыя онъ признаетъ недостоверными. И во первыхъ посмотримъ, насколько строго—дѣйствена была жизнь выговцевъ до основанія монастыря Денисовыми, въ періодъ правительственныхъ гоненій на выговцевъ. Чтобы не ходить далеко, мы постараемся брать относящіеся къ дѣлу факты изъ разныхъ мѣстъ книги самого г. Нильскаго; это одна изъ ея особенностей, что въ другихъ мѣстахъ ея онъ самъ, неумышленно конечно, опровергаетъ то, что говоритъ о жизни выговцевъ на стр. 25—31.

1) Вотъ инокъ Корнилій (см. житіе его—гл. 7-я) рассказываетъ, какъ однажды ему случилось заночевать въ одной келліи вмѣстѣ съ одной „пустынницей“, какъ эта послѣдняя понуждала его на дѣло блудное и какъ онъ избѣжалъ грѣха лишь успѣвши убѣдить пустыяницу, что „плотскія крѣпости не имать“. Г. Нильскій приводитъ этотъ рассказъ въ своей книгѣ, но, само собою разумѣется, не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдовало быть и гдѣ онъ былъ бы прекраснымъ опроверженіемъ раскрываемой имъ (стр. 25—31) мысли,—приводитъ какъ примѣръ выдумокъ въ какихъ упражнялись выговскіе аскеты (стр. 76). Доказательствъ невѣрности этого сказа онъ не приводитъ никакихъ. Мы съ своей стороны рѣшительно не имѣемъ причинъ не вѣрить этому разсказу. Спрашивается: если цѣломудріе столь знаменитаго и авторитетнаго аскета подвергалось искушенію, то что же должны мы предположить о простыхъ смертныхъ, блуждавшихъ или осѣдло жившихъ въ однихъ мѣстахъ съ женщинами въ выговскихъ лѣсахъ? Замѣтимъ, что съ такимъ же недоумѣріемъ относится г. Нильскій и къ другимъ подобнымъ разсказамъ раскольничьихъ писателей. Оригинальный критическій приемъ: тамъ гдѣ раскольничій историографъ завѣдомо лжетъ, восхваляя, по заданному Денисовыми тону, хвалебные дифирамбы небы-

валымъ добродѣтелямъ выговскихъ обитателей, прямо опровергаемые историческими документами (сличи, напимѣрь, рассказъ Ивана Филипова о самосожженіи Германа въ Палеостровскомъ монастырѣ—Ист. Выг. пуст. стр. 55—57—съ судебнымъ дѣломъ о раззореніи Палеостровскаго монастыря—„Ол. Губ. Вѣд.“ 1842, № 1—14), нашъ авторъ вѣрить ему безусловно; а гдѣ случайно и неумышленно, въ интимномъ рассказѣ, раскольникій писатель проговаривается относительно безобразій раскольникяго быта—онъ, по мнѣнію г. Нильскаго, не достовѣренъ! Не гораздо ли естественнѣе предположить, что раскольникъ жлетъ, когда хвалить самого себя, нежели когда онъ рассказываетъ о самомъ себѣ нехорошія вещи? 2) Что касается того, на сколько страхъ существовавшихъ въ этотъ періодъ времени гоненій на раскольниковъ имѣлъ вліяніе на обузданіе плотскихъ вожделѣній выговскихъ аскетовъ, то на этотъ предметъ мы имѣемъ свидѣтельство исторіи выговской пустыни, приведенное и у г. Нильскаго (опять не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему быть слѣдовало) о томъ какъ однажды гонимые „сѣдяще въ запорѣ и къ смерти готовящіяся (огненной) были не безъ искушенія и грѣха“, въ грѣхопаденіи были повинны. „Ахъ наше бѣдное житье, восклицаетъ выговскій исторіографъ: сѣдяще въ запорѣ, къ смерти готовящіяся, а страсти плотскія и діаволь ратуютъ... вси люди стали молодые, а жили въ одномъ мѣстѣ“ и пр. (см. Сем. жизнь 58—59). 3) Къ этому же времени относится весьма любопытный рассказъ палеостровскаго игумена Кирилла о своего рода умыканіи женъ, какимъ занимались выговскіе „аскеты“ и притомъ не простые скитальцы, а люди близкіе къ будущимъ киновіархамъ Выгорѣцки, каковъ былъ Емельянъ Повѣнецкій: выходя изъ лѣсовъ „великимъ скопомъ“, съ оружіемъ въ рукахъ они насиліемъ вводили женъ въ свои „воровскіе станы“ (см. Братья Денисовы, стр. 79). 4) Митрополитъ тобольскій Игнатій рассказываетъ о знаменитомъ діаконѣ Игнатіѣ, какъ этотъ „страстотерпецъ“, по выраженію Денисова, собралъ вокругъ себя множество мужей, женъ и дѣвиць и по наружности сохраняя видъ строгаго подвижника, тайно заповѣдывалъ имъ безъ всякаго зазрѣнія жить блудно, говоря, что это не грѣшъ, а любовь“ (Игн. тобол. посл. III-e, гл. 29 и 30, сн. Макарія Ист. раск.

стр. 252). Объ этомъ разсказъ также не упоминается въ книгѣ г. Нильскаго.

Относительно жизни выговцевъ со времени основанія монастыря приведемъ 1) свидѣтельства указа Св. Синода, основаннаго, по словамъ самого г. Нильскаго, на мнѣнїи Теофилакта Лопатинскаго, (указъ отъ 7 іюля 1725 года) о томъ, что выговцы живутъ „прелюбодѣнно безъ вѣнчанїя; 2) подобное же свидѣтельство указа Св. Синода отъ 2 августа 1727 года, основаннаго на донесенїи Неофита, котораго г. Нильскій называетъ „свидѣтелемъ недостовѣрнымъ“ (Сем. жизнь, стр. 179, примѣчанїе). 3) Слова митрополита Арсенїя Маціевича о томъ, что выговцы „грѣхъ содомскїй и грѣхъ свальный и дѣтоубїйство, въ языцѣхъ на силу именуемая, за грѣхъ не виѣняли“, что они „поведѣвали жить въ свальномъ грѣхѣ“. Г. Нильскій считаетъ это показанїе Арсенїя положительно недостовѣрнымъ, не давалъ, впрочемъ, себѣ труда подтвердить такой свой взглядъ какими-либо соображенїями. Между тѣмъ какъ изъ приведенныхъ уже свидѣтельствъ, такъ еще болѣе изъ слѣдующихъ за симъ, справедливость этихъ замѣчанїй Арсенїя открывается со всею несомнѣнностію. 4) Недостовѣрнымъ признаетъ г. Нильскій и разсказъ обратившагося изъ раскола Григорїя Яковлева о томъ, что Андрей Денисовъ жилъ довольно весело и умеръ въ слѣдствїе отравленїя его одною изъ его любовницъ. Г. Нильскій утверждаетъ, что Андрей Денисовъ жилъ „жестокимъ житїемъ“ (Сем. жизнь стр. 29). Прежде всего замѣчу, что эта послѣдняя фраза, которою г. Нильскій характеризуетъ жизнь Андрея Денисова, въ исторїи выговской пустыни часто встрѣчается при разсказѣ о томъ или другомъ выговскомъ подвижникѣ, но, сколько мнѣ извѣстно, никогда — при разсказѣ о самомъ Денисовѣ. Основанїемъ взгляда г. Нильскаго на жизнь Денисова служитъ отзывъ о немъ Любопытнаго, который называетъ Андрея „мужемъ примѣрной добродѣтели“, тогда какъ Ковылина тотъ же Любопытный называетъ „любителемъ выпноти и другой не нравственности по предмету удовольствованїя тѣла“. Г. Нильскій забываетъ, что Любопытный самъ былъ поморецъ и слѣдовательно имѣлъ все побужденїя относиться къ Ковылинѣ иначе, чѣмъ къ Денисову, что Ковылинъ распутствовалъ открыто и для

всѣхъ завѣдомо, возвелъ блудъ въ теорію, тогда какъ Денисовъ проповѣдывалъ цѣломудріе и свое распутство тщательно маскировалъ, удаляясь „ради вящаго безмолвія и тишины“ въ Лексинскій женскій монастырь, куда онъ одинъ изъ всѣхъ мушницъ, по уставу, имѣлъ право доступа и гдѣ для него устроена была особая келья. Изъ біографіи Денисова мы знаемъ, что эти отлучки „строгаго“ настоятеля „къ другопредѣльнымъ“ возбуждали не только подозрѣнія, но и ропотъ братій монастыря Богоявленскаго. Не даромъ Семень Денисовъ, сдѣлавшись настоятелемъ, сталъ посѣщать Лексинскій монастырь не иначе, какъ въ сопровожденіи монастырскихъ „стариковъ“. Что касается смерти Андрея, то одно или три „нощеденства“ мучился онъ „болію главною“, симптомы его болѣзни во всякомъ случаѣ, и въ описаніи Филипова не менѣе, имѣмъ въ описаніи Яковлева, несятъ, по нашему мнѣнію, всѣ признаки отравленія. Во всякомъ случаѣ мы не видимъ основаній, почему разсказъ Филипова, прямо заинтересованнаго въ сокрытіи этого скандала, должно считать болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ разсказъ Яковлева.

5) Что касается показаній Круглаго о распутной жизни выговскихъ „скитянь“, то г. Нильскій вывелъ изъ нихъ заключеніе даже о цѣломудріи ихъ! „Въ указанныхъ скитахъ, говоритъ онъ, новорожденныхъ младенцевъ, по словамъ Круглаго, не было; *следовательно* (?) означенные раскольники жили съ своими женами хотя и одиночелейно, однакоже цѣломудренно“ (Сем. жизнь, стр. 180). Не говоря уже о томъ, что отсутствіе дѣтей у сожительствующихъ мужчины и женщины отнюдь не можетъ служить доказательствомъ ихъ цѣломудрія, самъ же г. Нильскій черезъ двѣ страницы послѣ этого своего замѣчанія передаетъ со словъ выговскаго исторіографа, какъ одинъ раскольникъ по неудовольствію на тѣхъ скитянь, о которыхъ давалъ свои показанія Круглый, „жившихъ безчинно съ невѣнчанными дѣвками“, описалъ, „сколько въ коемъ скиту робятъ родилось у дѣвокъ, и кто прижилъ“; а другой разъ сами дѣвки били челомъ въ правительственную комисію, производившую въ то время розыски на Выгѣ, на тѣхъ, которые имъ „робятъ прижили и не кормятъ ихъ дѣтей“ (см. Ист. Выг. пуст. стр. 436, 456 и 462).

6) Послѣ этого насъ уже не изумляетъ разсужденіе г. Ниль-

скаго, по поводу замѣчаній св. Димитрія Ростовскаго о Стефановщинѣ. Св. Димитрій рассказываетъ, что эти сектанты живутъ не въ законномъ супружествѣ, а въ беззаконіи блудномъ, причемъ „сами отцы и матери велятъ дѣтямъ своимъ безъ вѣнчанія съ кѣмъ хотятъ жить“. Г. Нильскій находитъ эти слова „не настолькоъ опредѣлительными, чтобы нельзя было сомнѣваться въ нихъ“ (?), „не чуждыми преувеличенія и прикрасъ“, и во всемъ извѣстіи іеромонаха Макарія, передаваемомъ въ настоящемъ мѣстѣ „Розыска“ — нерѣшительность и даже противорѣчіе! „Въ томъ толкѣ, говоритъ Макарій, бракъ блудомъ нарицають, сами же зовутся дѣвственники и живутъ купно съ женскимъ поломъ, и блудствуютъ, ниже ставятъ себѣ въ грѣхъ блуда, но въ любовь. Обаче таятся, якобы дѣвственно живутъ. Но самое тѣхъ съ женами въ единыхъ кельяхъ пребываніе обличаетъ ихъ. Какъ бо можетъ сѣно со огнемъ вмѣстити? Г. Нильскій думаетъ, что сравненіе здѣсь употреблено неудачно, что сѣну дѣйствительно нельзя не загорѣться отъ огня; но въ сферѣ нравственной — единокелейное пребываніе мужчины съ женщиной отнюдь не всегда производитъ „пожаръ“. Не такъ разсуждалъ болѣе близко знакомый съ этимъ единокелейнымъ пребываніемъ Андрей Денисовъ. Въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, рассказывая о своихъ настоятельскихъ трудахъ, онъ главную ихъ тягость поставлялъ именно въ томъ, что ему предстояло „сѣно со огнемъ раздѣлти“ (Бр. Денисовы стр. 72). 7) Наконецъ г. Нильскій самъ приводитъ (но опять въ другомъ мѣстѣ своей книги, а не тамъ, гдѣ онъ изображаетъ жизнь выговцевъ, доказывая, что они по возможности сохраняли цѣломудріе) слова Андрея Іоаннова о распутствѣ скитянь и въ своемъ отвѣтѣ на мою замѣтку укоряетъ меня за то, что я не обратилъ на эти слова вниманія. „Что касается жизни Выговцевъ послѣ того, какъ Петръ I даровалъ имъ свободу по старопечатнымъ книгамъ службу отправляти, то вотъ что говорится у меня на стр. 102—103. Посвидѣтельству Іоаннова *съ начала* многіе послушники отходили молиться въ тѣсь, гдѣ и подѣлали уединенныя келіи; но со временемъ уединеніе имъ наскучило, и они безъ келейницъ жить не могли. Послушницы приносили подвижникамъ на первый разъ одно

только нужное, а потомъ начали приносить и отъ чрева своего пустынные плоды“. Читатель видитъ, что во 1-хъ въ свидѣтельствѣ Іоаннова рѣчь идетъ о *первыхъ* временахъ раскола въ Поморьѣ, слѣдовательно не о томъ времени, когда Петръ даровалъ Даниловскому монастырю право отправлять Богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ; въ 2-хъ рѣчь здѣсь идетъ о скитахъ, а не о монастырѣ, о которомъ говорится у г. Нильскаго на стр. 25—31. Неужели г. Нильскій не знаетъ, что монастырь Выговскій, о которомъ онъ говоритъ на стр. 25—31, и скиты, о которыхъ говорится у Іоаннова, — двѣ вещи различныя? И во всякомъ случаѣ это свидѣтельство подобно другимъ вышеприведеннымъ говорить въ пользу моей, а не его мысли.

Всего сказаннаго мною, полагаю, достаточно для того, чтобы читатель самъ могъ рѣшить, кто изъ насъ правъ во взглядѣ на жизнь выговцевъ: я или мой уважаемый противникъ. Знать всѣ приведенныя выше свидѣтельства (а я не смѣю думать, чтобы такой знатокъ раскола, какъ г. Нильскій, не зналъ ихъ) и игнорировать ихъ, или же безъ всякихъ доказательствъ отвергать ихъ достовѣрность — что это такое?

Желая оправдать свой промахъ, въ своемъ письмѣ г. Нильскій утверждаетъ, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ своей книги онъ не сказалъ о жизни выговцевъ ничего новаго. Дѣйствительно, если хотите — „исторія выговской пустыни“ была издана г. Кожанчиковымъ за нѣсколько лѣтъ до сочиненія нашего расколовѣда, и всякій грамотный могъ читать въ ней тѣ факты, изъ которыхъ лишь нѣкоторые приводитъ въ своей книгѣ г. Нильскій. А Щаловъ и преосв. Макарій читали ту же исторію въ рукописи и воспользовались твореніемъ Ивана Филипова для научно-историческихъ и полемическихъ цѣлей въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ нашъ расколовѣдъ. Но никому никогда не приходило на мысль сдѣлать изъ этого изученія исторіи выговской пустыни то употребленіе, какое дѣлаетъ изъ него г. Нильскій. Никому никогда не приходило въ голову вполне вѣрить рассказамъ выговскаго настоятеля о непомѣрномъ благонравіи выговцевъ: всякій понималъ, что, еслибы даже Филиповъ писалъ свою исторію не въ эпоху правительственныхъ разслѣдованій о жизни выговцевъ, ему ни

въ какомъ случаѣ не подобало говорить что-либо нехорошее про свой монастырь, развѣ то, чего никакъ нельзя было утаить. Пресв. Макарій, такимъ образомъ, изъ всѣхъ разсказовъ Филипова находитъ достовѣрнымъ лишь свидѣтельство его о томъ, что въ выговской пустыни „грѣхи и беззаконія умножились до того, что и говорить о нихъ невозможно, срама ради“ (Ист. раск. стр. 264). Правда у него описывается также и устройство Даниловскаго монастыря, говорится о пресловутыхъ завѣсѣхъ и стѣнѣхъ, отдѣлявшихъ мужчинъ отъ женщинъ во время молитвенныхъ собраний; но ни ему, никому другому не приходило въ голову видѣть въ этой завѣсѣ или стѣнѣ, равно какъ въ разныхъ благочестивыхъ сентенціяхъ и правилахъ, какія изрекалъ Даниилъ Викуличъ съ своими помощниками, несомнѣнную гарантію дѣйствительной строго-дѣвственной жизни выговцевъ, какъ это дѣлаетъ г. Нильскій (стр. 25—31). Пресв. Макарій прямо замѣчаетъ, что эти мѣры „какъ естественно было ожидать, не могли воспрепятствовать *усилію распутства* не смотря на увѣщанія настоятелей“ (Ист. раск. стр. 257). За всѣмъ тѣмъ г. Нильскій утверждаетъ, что у него о жизни выговцевъ говорится тоже самое, что и у пресв. Макарія и у меня въ монографіи о Денисовыхъ. Онъ приводитъ изъ исторіи раскола пресв. Макарія фразу, которою въ этомъ сочиненіи заканчивается глава о выговцахъ, и одну же фразу изъ своего сочиненія (отнюдь не изъ того мѣста, гдѣ находится тенденціозное описаніе жизни выговцевъ—не со стр. 25—31, а со стр. 182); но даже въ томъ видѣ, въ какомъ эти фразы приведены г. Нильскимъ въ его сочиненіи, онѣ говорятъ противъ него. У пресв. Макарія говорится: „каковы были жизнь и дѣла выговцевъ (*вообще*), для показанія этого достаточно привести свидѣтельство одного изъ настоятелей ихъ, писавшаго въ 1744 году: у насъ умножилися грѣхи и беззаконія, ихъ же и писати невозможно, срама ради“ (стр. 264). У г. Нильскаго читаемъ (стр. 182): „въ то время, какъ Алексѣевъ началъ проповѣдывать свое ученіе о необходимости брачной жизни, и между поморцами стали появляться соблазнительные безпорядки, какъ засвидѣтельствовали о томъ Семень Денисовъ и Иванъ Филиповъ“, — то есть: пресв. Макарій приведенною имъ выдержкою характеризуетъ всю жизнь выговцевъ

вообще, за все время существованія выговской пустыни отъ самаго ея начала; тогда какъ г. Нильскій находитъ, что соблазнительные *безпорядки* (не развратъ) *стали* лишь *появляться* у выговцевъ не раньше, какъ въ то время, какъ Алексѣевъ сталъ проповѣдывать необходимость брачной жизни! Читатель видитъ, что г. Нильскій и на стр. 182 вѣренъ своимъ взглядамъ, изложеннымъ на стр. 25—31, и что искомаго имъ тождества его сужденій со взглядами преосв. Макарія отнюдь не имѣется!—Напрасно также г. Нильскій ссылается на то, что по словамъ самого пр. Макарія настоятели учили жить дѣвственно и что только современемъ они стали снисходительнѣе въ этомъ отношеніи. Чему *учили* настоятели, это другой вопросъ: у насъ здѣсь рѣчь о томъ, какова была дѣйствительная жизнь выговцевъ.

III.

Г. Нильскому представляется „рѣшительно необъяснимою попытка моя доказать мысль, что инокъ Корнилій не проповѣдывалъ обязательнаго безбрачія“. Спѣшу разрѣшить недоумѣніе почтеннаго расколовѣда. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній, естественно возникаетъ вопросъ: существовало-ли въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе объ обязательномъ безбрачіи, какъ *догматъ* или, говоря словами г. Нильскаго, какъ общій законъ? Г. Нильскій утверждаетъ, что этотъ „общій законъ“ проповѣдывалъ будто-бы инокъ Корнилій. Я думаю, что ученіе о безбрачіи явилось въ безпоповчинѣ не раньше Денисовыхъ, которые, прибавлю, проповѣдывали это ученіе какъ свое личное *pium desiderium*, которое было многими оспориваемо изъ среды самихъ выговцевъ, напримѣръ М. И. Вышатынымъ (см. Сем. жизнь стр. 118), который прямо говорилъ выговскимъ настоятелямъ: „я де вамъ не товарищъ буду на судѣ Божиемъ, въ томъ, яко браки затвористе“. Мало того: самъ Андрей Денисовъ высказывался по этому предмету то такъ, то иначе. Въ доказательство этого *укажу* на свидѣтельство автора книги о тайнѣ брака, приведенное мною въ изслѣдованіи о Денисовыхъ (стр. 91—92). Аскетическая проповѣдь Денисовыхъ относилась собственно къ людямъ, находившимся въ районѣ ихъ непосредственной

настоятельской власти и значенія обязательнаго для всѣхъ раскольниковъ общаго закона не имѣла. Не говоря уже о жителяхъ той мѣстности, изъ которой прїѣзжалъ на Выгъ Алексѣевъ, которые, какъ видно изъ упомянутаго разсказа автора книги „о тайнѣ брака“, позволяли себѣ крайне раціоналистически относиться къ ученію поморскихъ „отцовъ“, въ слѣдствіе чего самъ Денисовъ мѣстному духовнику Нифонту долженъ былъ дать приказъ иной, чѣмъ какой имъ былъ изданъ для выговцевъ (разрѣшеніе сожителства мужчины съ женщиной безъ церковнаго вѣнчанія и какихъ бы то ни было молитвословій), жители *суземка*, а также и *скитовъ* не знали ученія о безбрачїи (Кстати замѣчу, что г. Нильскій смѣшиваетъ—Сем. жизнь, стр. 28—суземскихъ жителей съ скитянами: *скиты*—это раскольническія поселенія въ выговскихъ лѣсахъ, образовавшіяся внѣ правительственнаго надзора, и въ слѣдствіе этого привлекавшія на себя постоянно розыски и преслѣдованія; *суземокъ*—это деревни, сосѣднія къ выговскимъ лѣсамъ, входившія въ составъ волостей и подлежавшія обычному непосредственному надзору правительства). Снисходительный и изворотливый выговскій киноіархъ, снисходя къ немощи этого „жестоковѣрнаго и развращеннаго“ народа, самъ ѣздилъ сюда заключать браки, какъ это видно изъ указа св. синода отъ 2 августа 1727 (Собран. постан. по части раскола по вѣд. св. Сина. кн. 1, стр. 196). Г. Нильскій (Сем. жизнь стр. 179) находитъ недостовѣрнымъ это свидѣтельство синодальнаго указа, находя въ немъ противорѣчіе словамъ указа отъ 7 іюля 1725 г., въ которомъ говорится, что выговцы „живутъ прелюбодѣйно безъ вѣнчанія“. Мы противорѣчія этого между двумя указами не найдемъ, если обратимъ вниманіе на то, что въ первомъ изъ нихъ говорится о вѣнчаніи въ смыслѣ раскольническомъ—„свадьбы вѣнчаютъ“—т. е. пораскольнически вѣнчаютъ, а во второмъ говорится о вѣнчаніи въ смыслѣ православномъ: „живутъ прелюбодѣйно безъ вѣнчанія“ т. е. православнаго. Мы надѣемся, что г. Нильскій согласится съ такимъ нашимъ толкованіемъ, коль скоро припомнитъ то, что разсказываетъ относительно разсужденій Денисова о бракѣ Алексѣевъ со словъ духовника Нифонта (см. Сем. жизнь стр. 118—119). Мы даже думаемъ, что слова протопопа Аввакума: „аще

кто не имать іереевъ, да живутъ просто“ (см. житіе его, изд. Кожанч. стр. 14) имѣють смыслъ, пріаю противоположный тому, какой усвоаетъ ижь г. Нильскій (стр. 36): т. е. содержатъ въ себѣ не запрещеніе, а разрѣшеніе сожительства мужчины съ женщиной помимо вѣнчанія и какихъ бы то ни было видовъ молитвеннаго благословенія.

Если я не допускаю, что во время Денисовыхъ безбрачіе было для безпоповцевъ общеобязательнымъ *закономъ*, то, конечно, тѣмъ менѣе могу допустить, чтобы этотъ „общій законъ“ проповѣдывалъ инокъ Корнилій. Несомнѣннымъ доказательствомъ моего мнѣнія служить свидѣтельство житія Корниліева (Пахоміевой редакціи), по которому Корнилій предсказывалъ, что по времени, по минованіи временныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ выговскихъ лѣсахъ раскольники будутъ жить „съ мамушками и съ дѣтушками, съ коровушками и съ люлечками“. Былъ-ли Корнилій пророкомъ или нѣтъ (г. Нильскій полагаетъ, что я считаю Корнилія за пророка!)—дѣло въ томъ, что предсказаніе его исполнилось: извѣстно, что скитяне, никакъ не хотѣли подчиниться монастырю, и зависѣли отъ него лишь въ „богомоленіи“, именно потому, что жили вполнѣ „житейскимъ житіемъ“, т. е. тою жизнію, какою отчасти жили всѣ выговцы безъ исключенія, до основанія монастыря, т. е. правильными семейными группами, съ мамушками и дѣтушками, коровушками и люлечками. Основателемъ и главою этого особо-скитскаго житія былъ не кто иной, какъ именно инокъ Корнилій (подробнѣе объ этомъ см. Бр. Денисовы, стр. 63—64). Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ протоіерея Іоаннова и исторіи выговской пустыни мы видимъ, что нѣкоторый родъ семейственной жизни, съ православной точки зрѣнія конечно неправильной, существовалъ въ скитахъ невозбранно со стороны выговскихъ настоятелей, существовалъ по идеѣ Корнилія и былъ завѣдуемъ имъ при его жизни.

Г. Нильскій *спрашиваетъ*, „какимъ образомъ иноку Корнилію можно приписывать начало семейственной жизни на Выгѣ, когда по словамъ его жизнеописателя, онъ поучалъ приходившихъ къ нему дѣвственное и цѣломудренное, безженное житіе проходити“. На нашъ взглядъ дѣло объясняется очень просто. Эти, записанныя жизнеописателемъ, поученія Корнилія доказываютъ лишь то, что будучи самъ

строгимъ аскетомъ, онъ *рекомендовалъ* всѣмъ обитателямъ выговскихъ лѣсовъ свой образъ жизни какъ относительно—лучшій, совершеннѣйшій, особенно въ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился на первыхъ порахъ обитатели выговскихъ лѣсовъ. И только. До проповѣди общеобязательнаго безбрачія, въ видѣ общаго закона для всѣхъ раскольниковъ, отъ этихъ аскетическихъ поученій еще слишкомъ далеко. Повторяю: это не *догматическое ученіе* Корнилія, а частный *совѣтъ*, обращааемый, по временамъ, къ частнымъ лицамъ, въ виду временныхъ обстоятельствъ. Обѣщаніе Корнилія, или, если угодно, прореченіе, о томъ, что *современемъ*, т. е. по минованіи неблагопріятныхъ условій, выговцы заживутъ, если имъ того захочется, съ мамушками и дѣтушками, не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ясно показывая, что Корнилій былъ старецъ настолько мудрый, что рекомендуя свой личный образъ жизни, какъ совершеннѣйшій для могущихъ его понести и болѣе удобный по обстоятельствамъ времени, чуждъ былъ исключительности и ригоризма, не чуждъ былъ чувства семейственности и пониманія того значенія, какое имѣетъ семейная жизнь для русскаго простолюдина. Того смысла, какой находить въ этомъ прореченіи Корнилія г. Нильскій, оно отнюдь не имѣетъ уже потому, что насколько дѣло касалось не скитовъ, ему подвѣдомственныхъ, устроившихся по его идеѣ, а выговскаго общежитія, Корнилій прямо совѣтовалъ Денисовымъ съ ихъ сожителями чистоту тѣлесную хранить, дѣвственное и безженное житіе проходить: на то — *де у васъ монастырь*. А что это такъ, доказательствомъ служить то обстоятельство, что самъ Денисовъ, какъ мы видѣли, проповѣдывалъ безбрачіе лишь для пустынножителей-монаховъ.

Г. Нильскій предполагаетъ, что я не читалъ его книги далѣе 79 страницъ, ни его рецензіи на книгу Максимова, ни самой книги Максимова, и наконецъ, что я забылъ даже то, что самъ писалъ. Изъ настоящаго моего отвѣта читатель самъ усмотритъ, что я читалъ и что не читалъ, и вообще много-ли смыслю въ исторіи раскола, которымъ, впрочемъ, давно уже пересталъ заниматься, имѣя въ настоящее время совсѣмъ другую профессію. На замѣчаніе, будто я забываю то, что самъ писалъ и противорѣчу самъ себѣ, отвѣчу,

что хотя я и не имѣю привычки поступаться своими убѣжденіями, но не считалъ бы постыднымъ измѣнить свои воззрѣнія на тотъ или другой частный научный вопросъ, если бы онѣ оказались устарѣлыми и вообще если бы видѣлъ къ тому достаточныя побужденія, чего въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, не оказывается. Правда, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія я замѣтилъ, что „дѣвственное житіе было обязательно (т. е. по уставамъ выговскаго монастыря) для всякаго поморца“, но въ тоже время, приведя описаніе жизни въ выговскомъ монастырѣ изъ исторіи выговской пустыни, я прибавилъ слѣдующее: „Понятно, что въ этомъ отрывкѣ, продиктованномъ энтузіазмомъ, любовію къ своему кровному, родному, дѣлу преувеличено, что здѣсь болѣе личной благонамѣренности автора, нежели дѣйствительной подвижнической святости. Уже одно то, что Андрею *нужно* было въ 1719 г. *доказывать* своей братіи, что ихъ община—монастырь, свидѣтельствуешь, что были люди, которые въ ихъ общежителствѣ видѣли слишкомъ мало монашескаго, или—что братія монастыря такъ вели себя, что какъ будто забыли, что живутъ въ монастырѣ. Такъ какъ поступленіе въ монастырь протекло не изъ свободнаго сознанія потребности уединенія для богомыслия, не изъ дѣйствительной склонности къ аскетическимъ подвигамъ, а происходило или вслѣдствіе желанія укрыться отъ преслѣдованій или изъ слѣпаго энтузіазма, такъ какъ, далѣе, это были все люди, привыкшіе къ семейному образу жизни, къ занятіямъ сельско-хозяйственнымъ, и по степени своего духовнаго развитія мало способные къ созерцательности, къ тому, что составляетъ сущность монашеской жизни, то, очевидно, совершенно естественно было ожидать, что они не будутъ имѣть понятія о существѣ монашеской жизни, и не будутъ въ состояніи выполнять монашескіе уставы“. Эта выписка можетъ убѣдить г. Нильскаго, что рѣшительно нѣтъ противорѣчій между тѣмъ, что я писалъ когда-то, и тѣмъ что говорю теперь. — Что касается сочиненій самого г. Нильскаго, то очень можетъ быть, что я читалъ ихъ не съ тѣмъ вниманіемъ какого желалъ бы г. Нильскій. Не читалъ я и его рецензіи на книгу Максимова, но, просмотрѣвъ ее теперь, нахожу, что ее и не

зачѣмъ было читать: для рѣшенія настоящаго спорнаго вопроса она рѣшительно ничего не даетъ.

Наконецъ г. Нильскій спрашиваетъ меня, зачѣмъ я совѣтую ему сличать по началамъ исторической критики одни съ другими разнохарактерные матеріалы, съ массой которыхъ приходится имѣть постоянно дѣло нашему почтенному расколовѣду. Отвѣчать на этотъ запросъ послѣ всего того, что сказано и рассказано мною выше, едва-ли нужно. А если нужно, то скажу: для того, чтобы разграничить и отличить чистую научную истину отъ сенсационныхъ примѣсей и тенденціозныхъ наростовъ, отъ фальсификацій и лжи, которыми раскольничьи сочиненія страдаютъ едва-ли не болѣе, чѣмъ какой-либо иной родъ литературы.

Н. Барсовъ.